

Ерте темір дәуірі археологиясы

Archaeology of the Early Iron Age

Археология раннего железного века

УДК 902.904 (574)

МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/3007-6528.2025.140.157>

Культовые сооружения в окрестностях городища Бабиш-мола

© 2025 г. Курманкулов Ж., Утубаев Ж.Р., Болелов С.Б., Суюндикова М.К.

Keywords: archaeology, Babish Mola, Shirikrabat culture, cult structure, altar, sacred site, fertility cult, phallic symbol

Түйін сөздер: археология, Бабиш мола, шірікрабат мәдениеті, ғұрыптық құрылыс, алтарь, сакралды нысан, құнарлылық культі, фалликалық белгі

Ключевые слова: археология, Бабиш-мола, ширикрабатская культура, культовое сооружение, алтарь, сакральный объект, культ плодородия, фаллический символ

Zh. Kurmankulov¹, Zh. Utubayev^{1*}, S. Bolelov², and M. Suyundikova¹

¹Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

²State Museum of the Orient, Moscow, Russia

*corresponding author

Cult structures around the Babish Mola fortified settlement

The article presents the results of archaeological excavations of cultic monuments identified in the vicinity of the Babish Mola settlement, located in the lower reaches of the Syr Darya River. Archaeological investigations conducted in 2023–2024 at the sites Babish-Mola 8, 10a, and 10b have demonstrated the sacred character of these structures. Although the number of archaeological finds is limited, ceramic fragments characteristic of the Hellenistic period and the Chirikrabat archaeological culture are clearly represented. The authors pay special attention to the symbolic meaning of the square-shaped altars found within these constructions. In both archaeological and mythological contexts, the square form is interpreted as a representation of the “middle world” – the inhabited space of humans in the worldview of ancient Indo-European peoples. One of the noteworthy discoveries is a stone object of phallic character found at the Babish Mola 10b site. This find suggests a possible connection to rituals associated with a fertility cult. Overall, the cultic structures discussed in the article are interpreted as sacred sites associated not with fire worship, but with ideas of fertility and the generation of life.

Source of funding: The article was prepared out according to the program of fundamental scientific research of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, IRN BR20280993

Citation: Kurmankulov, Zh., Utubayev, Zh., Bolelov, S., Suyundikova, M. 2025. Cult structures around the Babish Mola fortified settlement. *Margulan readings–2025*, 140–157 (in Russian).

Ж. Курманқұлов¹, Ж.Р. Утубаев^{1*}, С.Б. Болелов², М.Қ. Сүйіндікова¹

¹Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

²Шығыс Мемлекеттік музейі, Мәскеу қ., Ресей

*корреспондент авторы

Бәбіш мола қаласы маңындағы ғұрыптық құрылыстар

Мақалада Сырдарияның төменгі ағысындағы, Бәбіш мола қаласының маңында анықталған ғұрыптық ескерткіштерге жүргізілген қазба жұмыстарының нәтижелері баяндалады. 2023–2024 жж. Бәбіш мола 8, 10а және 10б нысандарында жүргізілген археологиялық жұмыстар нәтижесі нысандардың сакралды мәнге ие болғанын дәлелдейді. Қазба барысында табылған археологиялық материалдар аз, алайда эллинистік және шірікрат мәдениетіне тән керамика үлгілері айқын көрініс табады. Авторлар аталған құрылыстардағы шаршы пішінді алтарьлардың символдық мағынасына ерекше назар аударады. Шаршы пішіні археологиялық және мифологиялық тұрғыдан ежелгі үнді-еуропалық халықтардың дүниетанымында «ортаңғы әлемнің» – адам мекен ететін кеңістіктің көрінісі ретінде қарастырылады. Ерекше назар аудартатын жайттардың бірі Бәбіш мола 10б нысанында табылған фалликалық сипаттағы тас бұйым. Аталмыш олжа ғұрыптық, құнарлылық культімен байланысты болғанын көрсетеді. Жалпы, мақалада қарастырылған ғұрыптық құрылыстар от культімен емес, құнарлылық пен өмір тудыру идеяларымен байланысты сакралды нысандар ретінде сипатталады.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ ғылым комитетінің 2023–2025 жж. арналған іргелі ғылыми зерттеулер бағдарламасы шеңберінде, ЖТН BR20280993 жобасы аясында дайындалды.

Сілтеме: Курманқұлов Ж., Утубаев Ж.Р., Болелов С.Б., Сүйіндікова М.Қ. 2025. Бәбіш мола қаласы маңындағы ғұрыптық құрылыстар. *Марғұлан оқулары*–2025. 140–157-бб. (Орысша).

Ж. Курманкулов¹, Ж.Р. Утубаев^{1*}, С.Б. Болелов², М.К. Суюндиқова¹

¹Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

²Государственный музей Востока, г. Москва, Россия

*автор-корреспондент

Культовые сооружения в окрестностях городища Бабиш-мола

В статье представлены результаты археологических раскопок культовых памятников, выявленных в окрестностях города Бабиш-мола, расположенного в нижнем течении Сырдарьи. Археологические исследования, проведенные в 2023–2024 гг. на объектах Бабиш-мола 8, 10а и 10б, показали, что данные сооружения обладали сакральным характером. Несмотря на малочисленность археологических находок, в комплексе отчетливо прослеживаются керамические фрагменты, характерные для эллинистического времени и шірікратской археологической культуры. Особое внимание авторы уделяют символике квадратных алтарей, обнаруженных в этих постройках. В археологическом и мифологическом контексте квадратная форма интерпретируется как отражение «срединного мира» — пространства обитания человека в мировоззрении древних индоевропейских народов. Одной из примечательных находок является каменное изделие фаллического характера, обнаруженное на памятнике Бабиш-мола 10б. Эта находка указывает на возможную связь объекта с ритуалами, посвященными культу плодородия. В целом рассмотренные в статье культовые сооружения интерпретируются как сакральные объекты, связанные не с культом огня, а с представлениями о плодородии и порождении жизни.

Источник финансирования: Статья подготовлена по программе фундаментальных научных исследований Комитета науки МНВО РК 2023–2025 гг., ИРН проекта BR20280993.

Цитирование: Курманкулов Ж., Утубаев Ж.Р., Болелов С.Б., Суюндиқова М.К. 2025. Культовые сооружения в окрестностях городища Бабиш-мола. *Марғұлановские чтения*–2025. С. 140–157.

Введение

Нижнее течение Сырдарьи представляет собой один из ключевых регионов Центральной Азии, обладающий значительным археологическим потенциалом. Здесь сосредоточено множество памятников, отражающих многовековую эволюцию материальной и духовной культуры населения, проживавшего в этом регионе в различные исторические периоды. Особое место среди них занимает археологический комплекс Бабиш-мола, расположенный на правом берегу древнего русла Жанадарьи. Благодаря своему географическому положению, данный комплекс занимает стратегически важную позицию по отношению к другим археологическим объектам Приаралья.

Структура комплекса Бабиш-мола включает укрепленный центр, сеть неукрепленных поселений, отдельно стоящие жилые постройки, погребальные комплексы и сакральные объекты, что указывает на сложную социально-территориальную организацию обитавшего здесь населения. Первые систематические археологические раскопки на территории комплекса были проведены в 1957–1960 гг. Хорезмской археолого-этнографической экспедицией под руководством С.П. Толстова. В последующий период, начиная с 2004 года, комплексное изучение памятника осуществляется Ширикратской археологической экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана (руководитель Ж. Курманкулов). С 2015 года по настоящее время ведутся целенаправленные исследования, охватывающие широкий спектр научных задач: изучение архитектурных особенностей, стратиграфии, хронологии и ритуально-культовой специфики объектов комплекса.

Рис. 1. Объекты Бабиш-мола 10а, 10б. Фото: Ж. Утубаев
 1-сур. Бәбіш мола 10а және 10б нысандары. Фотосурет Ж. Утубаевтікі
 Fig. 1. Babish-Mola 10a objects, 10b. Photo by Zh. Utubayev

В процессе полевых исследований, проводимых на комплексе 2023–2024 гг., были выявлены монументальные постройки, интерпретируемые как культовые сооружения. В непосредственной близости от городища Бабиш-мола 1 раскопаны три почти квадратных в плане постройки с алтарями-подиумами, расположенными в центральной части (Бабиш-мола 8, 10а, 10б). Судя по архитектурным особенностям и стратиграфическим данным, объекты, по всей видимости, представляли собой святилища, функционально связанные с культом плодородия.

Материалы и методы

В 1 км к северо-востоку от мавзолея Бабиш-мола 2 обнаружены два невысоких холма, возвышавшиеся не более чем на 0,5–0,6 м над уровнем современного такыра. Они расположены на расстоянии приблизительно в 20–25 м друг от друга. На поверхности обоих холмов в современном рельефе не очень чётко прослеживались контуры квадратного или прямоугольного в плане сооружения (рис. 1).

В 2023 году на одном из них (меньшем по размеру) были начаты раскопки. Объект получил название Бабиш-мола 10а.

Сразу же после снятия верхнего слоя такырной «корки» (сравнительно плотный слоистый суглинок коричневого, красно-коричневого цвета), толщина которого не превышала 3–5 см, отчётливо проявились контуры стен почти квадратного в плане помещения. Внешние стены, шириной 1,4–1,6 м, сложены из плотной пахсы серо-коричневого цвета. Они сохранились на высоту от 20 до 40 см от уровня пола помещения и уровня материка (+28 – +21 см от реперной точки)¹. В ходе проведённых раскопок вскрыто два помещения.

Помещение 1 раскопано полностью. Это почти квадратное (4×4,3 м) сооружение, вход в которое шириной 0,7 м был в северо-западном углу (рис. 2: А; рис. 3: А). Стены сохранились на высоту не более 40 см от уровня пола, который в виде хорошо утоптанной поверхности зафиксирован на отметках -8 – -10 см от реперной точки. На отдельных участках на поверхности материка сохранилась глиняная обмазка пола. По стратиграфическим данным чётко определяются два периода существования этого помещения. В первый, относительно ранний период, – это почти квадратное в плане помещение без каких-либо конструкций внутри. Непосредственно на уровне пола в северной и северо-восточной части помещения залегает слой комковатого суглинка серого цвета с включениями кирпичной крошки толщиной 10–12 см. В юго-западной части помещения уровень пола перекрывается слоем рыхлой комковатой супеси серо-коричневого цвета толщиной 12–14 см. В центральной и восточной части помещения на уровне пола лежит слой комковатой супеси зеленовато-коричневого цвета с очень высоким содержанием органики (органоминеральные отложения), а также органики явно растительного происхождения. Толщина этого слоя в центральной части помещения достигает 20–22 см (рис. 2: Б).

Во второй период в центре помещения, непосредственно на слоях органоминеральных отложений, из квадратного и прямоугольного сырцового кирпича (43×43×12 см; 42×43×10–12 см; 45×34×12 см; 44×35×12 см) был сложен почти квадратный в плане (1,3×1,4 м) подиум. Он сохранился на высоту 0,30–0,40 м – два ряда кирпичей (рис. 2: А; рис. 3: Б).

В этой же период из квадратных и прямоугольных сырцовых кирпичей таких же размеров к восточной и северной стене пристраивается суфа. Ширина её у восточной стены – 0,9 м (два кирпича). У северной стены она значительно уже – 0,3 м в северо-восточном углу и 0,5 м в северо-западном (рис. 2: А). У восточной стены суфа была построена на слое органоминеральных отложений (рис. 2: Б). У северной стены кирпичи положены на слой комковатого суглинка серого цвета. В этот

¹ За реперную точку была принята поверхность современного такыра к северу от памятника.

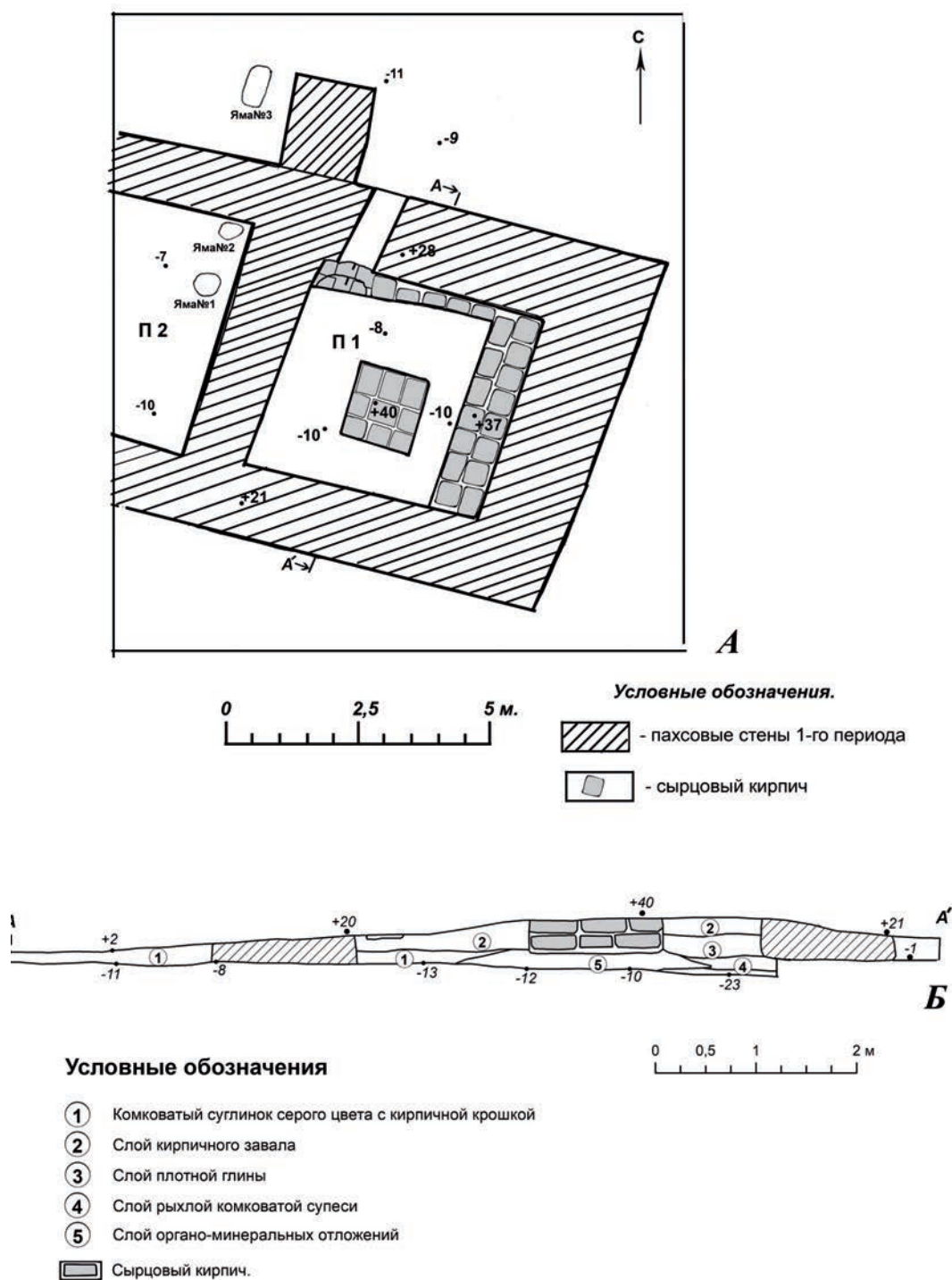

Рис. 2. Бабиш-мола 10а. План и стратиграфический разрез по линии СВ–ЮЗ.

Исполнитель: С. Болелов

2-сур. Бәбіш мола 10а нысанының жоспары және СШ–ОБ бағытындағы стратиграфиялық қимасы.

Орындаған: С. Болелов

Fig. 2. Babish-Mola 10a. Plan and stratigraphic section along the NE–SW line.

Prepared by S. Bolelov

А

Б

Рис. 3. Бабиш-мола 10а. А – фото с птичьего полета; Б – помещение 1.
Вид с северо-востока. Фото: Ж. Утубаев

3-сур. Бәбіш мола 10а. А – жоғарыдан түсірілген сурет; Б – 1-бөлме.
Солтүстік-шығыстан қарағандағы көрініс. Фотосурет Ж. Утубаевтікі

Fig. 3. Babish-Mola 10a. A – Aerial view; B – Room 1.
View from the northeast. Photo by Zh. Utubayev

же период до верхнего уровня суфы поднимается нижний уровень прохода; таким образом, образуется порог при входе. Надо полагать, что во второй период проход функционировал довольно продолжительный период времени; края сырцовых кирпичей со стороны помещения основательно выбиты. В юго-западной части помещения слои первого периода перекрываются слоем плотной глины желто-коричневого цвета толщиной 20–25 см. Этот слой, который, возможно, является слоем забутовки, отмечен только в южной части помещения и относится, по всей видимости, ко второму периоду. Выше идёт слой кирпичного завала, толщина которого в центре помещения достигает 30–35 см, который перекрывает все ранние культурные напластования (рис. 2: Б). Надо полагать, этот слой образовался в результате разрушения стен здания. На основании этого можно сделать вывод о том, что сохранившиеся на небольшую высоту пахсовые стены здания не что иное, как основание-цоколь, на котором были построены кирпичные стены. В ходе раскопок был расчищен небольшой участок к северу от помещения 1. Никаких строительных конструкций здесь пока не выявлено. Можно только предполагать, что здесь возможно располагался открытый двор. Справа от входа (с западной стороны) находился массивный контрфорс шириной 1,5 м, отступающий от северной стены помещения на 1,8 м (рис. 2: А; 3: А). Он сохранился на высоту не более 10 см от уровня материка и, так же как стены помещения, построен из пахсы, что даёт основание отнести его к первому периоду существования памятника.

Помещение 2 расположено к западу от пом. 1. Раскопана только восточная его часть; в результате установлена его ширина по линии С–Ю – 4,5 м. Уровень пола помещения зафиксирован на отдельных участках на отметках -7 – -10 см от реперной точки. Южная стена практически не сохранилась; удалось зафиксировать только её контуры. Северная стена сохранилась на высоту не более 0,10–0,15 м на западном вскрытом участке и на высоту до 0,25–0,30 м в северо-восточном углу. У восточной стены помещения расчищены две небольшие ямы, вырубленные в материковом грунте, глубиной не более 20–25 см.

Яма № 1 – округлая в плане, диаметром 0,40–0,45 м. Заполнение ямы представляет собой довольно плотный слой комковатого суглинка, с включениями сравнительно крупных кусков обожжённой до красно-оранжевого цвета глины. В этой же яме найдено некоторое количество фрагментов керамики, в том числе фрагмент верхней части крупного тарного сосуда горнового обжига, сформованного на гончарном круге (рис. 4: А).

Яма № 2 – расчищена в северо-восточном углу помещения на расстоянии 1–1,15 м от ямы № 1. Она овальная в плане (0,40×0,30 м), неглубокая. Яма также заполнена комковатым суглинком серо-коричневого цвета. В заполнении найдены фрагменты крупного лепного кухонного сосуда (нижняя часть). Кроме того, в яме были кости животных (рёбра мелкого рогатого скота) (рис. 4: Б).

В северной части раскопа, на расстоянии 1 м от северной стены помещения 2 и в 0,5 м от контрфорса перед входом в помещение 1, расчищена еще одна овальная в плане (0,8×0,4 м) яма № 3. Она ориентирована по линии С–Ю с незначительным отклонением на СВ. Также, как и ямы в пом. 2, она вырублена в материковом грунте. Глубина её не превышает 0,2 м. Заполнение представляет собой сравнительно рыхлый слой комковатого суглинка серо-коричневого цвета с включениями крупных кусков материкового грунта. В яме найдена керамика, это фрагменты красноглиняных сосудов горнового обжига, сформованных на гончарном круге.

Керамический комплекс, полученный в результате проведённых раскопок, немногочисленный, но весьма выразительный. Безусловно, преобладают фрагменты сосудов, сформованных на гончарном круге и обожжённых в горне. Почти вся керамика находит большое количество аналогий в керамических комплексах ширикрабатской археологической культуры. Обращает на себя внимание фрагмент красноангобированной столовой чаши с полусферическим резервуаром и

А

Б

Рис. 4. Бабиш-мола 10а. А – помещение 2. Яма № 1; Б – помещение 2. Яма № 2. Фото: Ж. Утубаев
4-сур. Бәбіш мола 10а нысаны. А – 2-бөлме. № 1-шұңқыр; Б – 2-бөлме. № 2-шұңқыр. Фотосурет Ж. Утубаевтікі
Fig. 4. Babish-Mola 10a. А – Room 2. Pit №. 1; В – Room 2. Pit № 2. Photo by Zh. Utubayev

четко выраженным, так называемым «Г-образным» венчиком (рис. 6: 3), которая является прямой аналогией столовым чашам такого типа, широко представленным в эллинистических комплексах юга Средней Азии. Кроме того, следует отметить несколько фрагментов типичных красно ангобированных столовых чирикрабатских кубков, а также фрагмент верхней части крупного тарного сосуда с чётко выраженным массивным «клювовидным» венчиком, сравнительно высокой горловиной и хорошо выраженным валиком в нижней части горловины (рис. 6: 4) который, в определённой степени, напоминает некоторые хорезмийские тарные сосуды III–II вв. до н.э.

Осенью 2024 года были проведены раскопки на памятнике Бабиш-мола 10б, который расположен в 20–25 м к югу от здания Бабиш-мола 10а (рис. 1). До раскопок это было прямоугольное в плане всхолмление, возвышающееся над уровнем такыра на высоту не более 0,5–0,6 м. Максимальное возвышение от реперной точки – +65 см отмечено в западной части памятника. В современном рельефе более или менее отчётливо прослеживались контуры внешних стен здания. После снятия верхнего слоя частично были выявлены основания стен. Максимальная сохранность – 0,55–0,6 м от уровня материка отмечена в северо-западной части памятника (западный отрезок северной стены). В результате выявлено, что внешние стены здания шириной 1,2 м (северная стена) были возведены на пахсовом цоколе высотой 0,52–0,53 м. Достоверно установлено, что стены здания были возведены из сырцового кирпича. В то же время необходимо отметить, что пахсовый цоколь, во всяком случае, северной стены, был немного шире кирпичной стены здания; он выступает от линии внешней пахсовой стены на 10–15 см. На некоторых участках северной стены удалось зафиксировать следы квадратных кирпичей, из которых были сложены стены здания – 42×42×? см; 41×43×? см. Толщину кирпичей установить не представляется возможным, так как сохранилась только нижняя часть толщиной не более 1–2 см или просто отпечатки кирпичей на пахсе.

В результате проведённых исследований здание раскопано полностью, в то же время из-за плохой сохранности планировка его осталась до конца не выясненной. На данном этапе изучения объекта мы можем только предполагать, что оно состояло как минимум из трёх помещений. Полностью исследовано квадратное в плане помещение № 2 (4,2–4,3×4,4–4,6 м), которое, судя по всему, являлось центральным. Вход шириной – 0,8 м находится с восточной стороны. В центре помещения открыт почти квадратный подиум-возвышение размерами 1,7×1,60–1,65 м. Высота его в настоящее время немногим более 0,4 м (три ряда кирпичей). Подиум сложен из квадратного и прямоугольного сырцового кирпича размерами 40×40×12 см; 42×43×12–13 см; 50×35×12 см; 50×32×12–13 см. Учитывая его расположение в центре помещения прямо напротив входа, это возвышение можно трактовать как алтарь (рис. 5: А). Уровень пола в помещении в виде глиной обмазки толщиной не более 3 см зафиксирован на отметках 0 – -7 см от реперной точки.² На стенах с внутренней стороны зафиксировано от трёх до пяти слоев слоёв лессово-саманной штукатурки толщиной 1–2 см. Заполнение помещения представляет собой довольно мощный слой кирпичного завала, который перекрывает слои органики, судя по всему, растительного происхождения (в слое хорошо заметны стебли камыша) серо-зелёного или зеленовато-коричневого цвета, которые залегают непосредственно на уровне пола. На некоторых участках (северо-восточная часть помещения) мощность этого слоя – 15–20 см (рис. 5: Б). При расчистке южной стены помещения слой органических отложений толщиной не менее 4–5 см (возможно циновка) зафиксирован непосредственно на внутренней вертикальной плоскости стены немного выше уровня пола, поверх штукатурки. К востоку от помещения №2 расчищена западная часть помещения № 1, ширина которого, по линии Ю–С, была 4,55 м (рис. 4). Восточная часть этого помещения оказалась

² За репер принят уровень такыра к северо-западу от объекта Бабиш-мола 10б и к юго-западу от объекта Бабиш-мола 10а.

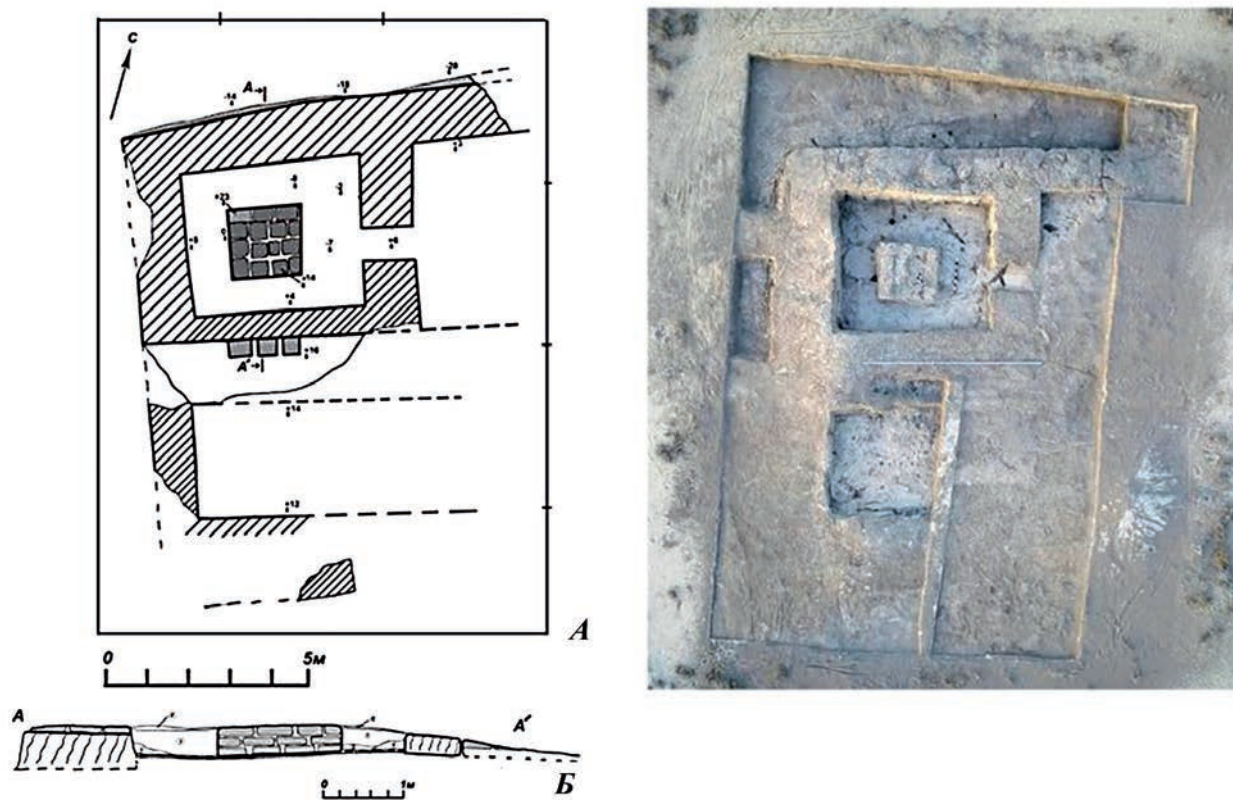

Рис. 5. Бабиш-мола 10б. А – план раскопа; Б – разрез по линии С–Ю.
Исполнитель: С. Болелов. Фото: Ж. Утубаев
5-сур. Бәбіш мола 10б. А – қазбаның жоспары; Б – С–О бағытындағы қима.
Орындаған: С. Болелов. Фотосурет Ж. Утубаевтікі
Fig. 5. Babish-Mola 10b. A – Excavation plan; B – Section along the N–S line.
Prepared by S. Bolelov. Photo by Zh. Utubaev

практически полностью смыта. В всяком случае, южная стена фиксируется только по нечетким следам на современном такыре. Восточная стена вообще не прослеживается, возможно ее и не было изначально. В этом случае можно предполагать, что перед входом в святилище был глубокий айван. Уровень пола в этом помещении в виде плотной глиняной обмазки серо-желтого цвета зафиксирован на отметках +3 – +5 см от реперной точки. Культурный слой в этой части памятника практически полностью смыт. Северная стена помещения сохранилась на высоту не более 0,25–0,30 м от уровня пола. Так как восточная часть здания практически полностью смыта, о характере культурного слоя в этом помещении сказать ничего нельзя.

К югу от помещения № 1 частично выявлены контуры ещё одного помещения № 3. Следует отметить, что южная стена святилища, вернее, её пахсовое основание, значительно уже, чем все остальные стены этого помещения. Ширина этой стены – 0,7–0,75 м (рис. 5).

Ширина пом. № 3 по линии Ю–С установлена только приблизительно в центральной части – 4,2–4,25 м. Есть основания предполагать, что к северной стене помещения № 3 была пристроена широкая суфа. Шов шириной 2 см между пахсовым основанием северной стены и пахсовым же основанием предполагаемой суфы достаточно хорошо прослеживается при расчистке поверхности.

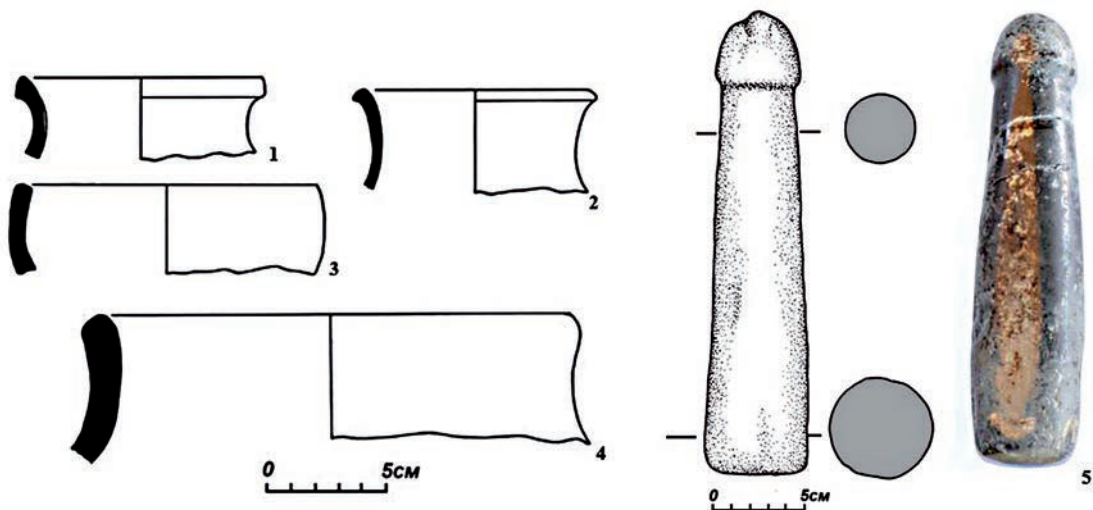

Рис. 6. Бабиш-мола 10б. Археологические находки.

1–4 – фрагменты керамических сосудов; 5 – каменный предмет. Фото: С. Болелов

6-сур. Бәбіш мола 10б. Археологиялық табылымдар.

1–4 – керамикалық ыдыстардың фрагменттері; 5 – тас зат. Фотосурет С. Болеловтікі

Fig. 6. Babish-Mola 10b. Finds.

1–4 – fragments of ceramic vessels; 5 – stone object. Photo by S. Bolelov

Возможно, верхняя часть суфы была сложена из квадратных и прямоугольных сырцовых кирпичей. Во всяком случае отпечатки нескольких из них прослеживаются на поверхности пахсы. Размеры кирпичей – 40×52×? см; 40×40×? см; 42×40×? см (рис. 5: А). Ширина предполагаемой суфы – не более 1,5 м установлена также только приблизительно. Ширина пахсового основания западной стены помещения № 3 – 1,0–1,1 м определена лишь на небольшом отрезке в юго-западном углу. Уровень пола в виде плотной глиняной обмазки зафиксирован на отметках +12 – +14 см от реперной точки. Непосредственно на уровне пола у западной стены помещения отмечен слой довольно плотного комковатого суглинки толщиной от 3 до 10 см (верхние культурные напластования практически полностью смыты и развеяны). Надо полагать, что этот слой является не чем иным, как очень сильно деструктированным кирпичным завалом. Ширину южной стены этого же помещения установить не представляется возможным, но то что она была не вызывает сомнения. Контуры ее читаются в юго-восточной части раскопа (рис. 5). О восточной части помещения сказать ничего нельзя и, соответственно, установить его длину по линии В–З не представляется возможным, так как восточная часть здания практически полностью смыта до уровня современного такыра.

Культовый характер полностью раскопанного в 2024 году здания Бабиш-мола 10б, впрочем, также и раскопанного в 2023 году здания Бабиш-мола 10а, в общем, не вызывает сомнения. Стены здания построены на относительно невысоком пахсовом цоколе. Можно предполагать, что и под полами помещений было невысокое пахсовое основание. Об этом в частности можно судить по разнице между уровнем материка за северной стеной здания и уровнями полов внутри помещений, которая составляет 10–14 см. Не исключено, что это была просто нивелировочная подсыпка, так как поверхность материка на этом участке неровная. В северной части раскопа фиксируется понижение уровня материка с запада на восток. Перепад высот составляет 14 см. Безусловно, сакральным центром здания было помещение № 2 – святилище, в центральной части которого находился алтарь-

подиум, расположенный прямо напротив входа с восточной стороны. Артефактов, которые могли бы безусловно свидетельствовать о культовом характере помещения, в ходе раскопок не найдено. Тем более, особое значение приобретает находка каменного предмета (плотный алеврит темно-серого цвета), который, по всей видимости, можно трактовать как атрибут фаллического культа (рис. 6: 5). Он был найден в слое органических отложений над уровнем пола в северо-западном углу помещения, рядом с алтарем. Предмет еще в древности был расколот на три части. Количество других находок на этом объекте исчисляется единицами. В комплексе представлено несколько профильных фрагментов керамических сосудов, изготовленных на гончарном круге: два кувшина и верхняя часть полусферической столовой чаши (рис. 6: 1–4), которые находят себе многочисленные аналогии в ширикратском керамическом комплексе и датируются в пределах IV–II вв. до н.э.

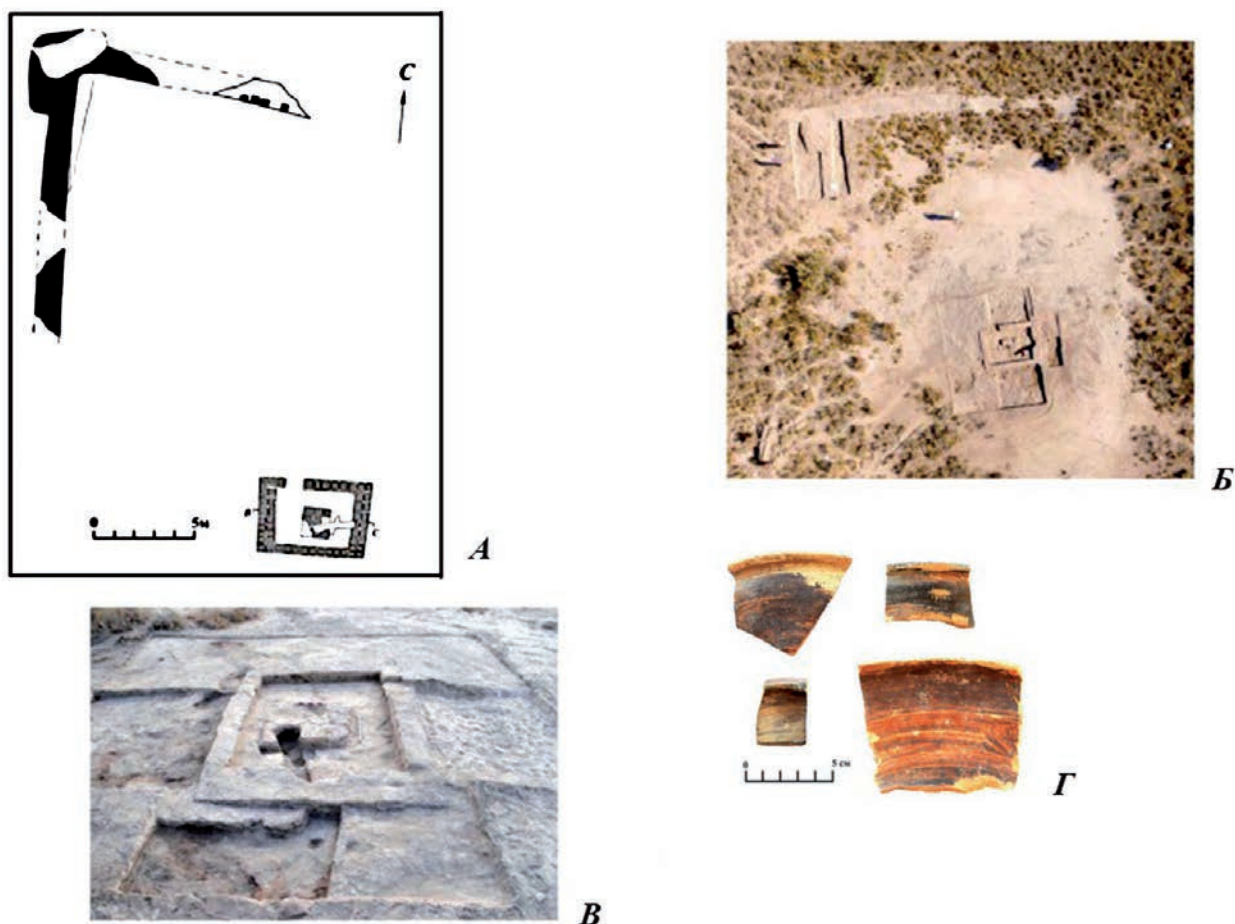

Рис. 7 Бабиш-мола 8. А – план раскопа; Б – фото с птичьего полета; В – помещение 1; Г – керамика.
Фото: Ж. Утубаев

7-сур. Бэбіш мола 8. А – қазба жоспары; Б – жоғарыдан түсірілген сурет; В – 1-бөлме; Г – керамика.
Фотосурет Ж. Утубаевтікі

Fig. 7. Babish-Mola 8. A – Excavation plan; B – Aerial view; В – Room 1; Г – Ceramics.
Photo by Zh. Utubayev

Результаты

По результатам раскопок 2023–2024 гг. есть достаточно оснований говорить, о том, что раскопанные комплексы были не жилые.

Ранее, в 2018 году в непосредственной близости от городища Бабиш-мола 1 было раскопано еще одно сооружение – Бабиш-мола 8, которое обнаруживает почти полное сходство с памятниками, описанными выше. Памятник расположен приблизительно в 200–250 м к югу от внешней крепостной стены городища. До раскопок в рельефе четко прослеживалось центральное здание и участки внешней стены на некотором расстоянии от него (рис. 7; А, Б). Сразу же после снятия верхнего слоя надувного лёсса и натёков в центре двора были обнаружены стены небольшой постройки, сложенные из форматного сырцового кирпича (рис. 7: А, Г).

В основном кирпич квадратный или близкий к квадратному, размерами 40×40×12 см; 40×38×12 см; 37×39×11 см. Изредка в кладке стен встречается и прямоугольный кирпич: 38×43×12 см; 37×45×12 см. В ходе проведенных раскопок сооружение вскрыто полностью. Оно было прямоугольным в плане (5,5×3,75 м) и ориентировано почти строго по линии В–З. Вход в здание шириной 0,9 м находился с северной стороны в северо-западном углу. Ширина восточной и западной стены сооружения – составляла 0,8–0,9 м – два кирпича; северной и южной – 0,5 м – один кирпич. В центральной части здания, на расстоянии 0,75 м от северной стены и 1,1 м от восточной стены открыто почти квадратное в плане (1,35×1,5 м) возвышение-подиум. Также, как и стены, оно сложено из форматного сырцового кирпича, но более крупных размеров: 45×49×12 см; 44×45×12–13 см; 43×39×12 см. Высота подиума от уровня пола здания, который в виде плотной глиняной обмазки толщиной 3–5 см зафиксирован на отметках +12–14 см от реперной точки³, была не более 20–25 см, то есть, два кирпича. К сожалению, подиум сохранился не полностью, часть его уничтожена довольно большой норой. Максимальная сохранность стен здания не превышает сорока сантиметров от уровня пола. Самый высокий уровень сохранившейся кирпичной кладки стены – +53 см от репера отмечен в центре северной стены. Таким образом, мощность культурного слоя внутри сооружения – 40 см. Строго говоря, культурного слоя, который бы соответствовал периоду интенсивного обживания постройки, здесь нет. Заполнение помещения представляет собой слои кирпичной и глиняной крошки средней и высокой плотности (деструктурированный кирпичный завал), перемежающиеся глинисто-песчаными прослойками и линзами супесчаных натёков. В восточной части здания отмечен слой плотной глины серо-жёлтого цвета – натёк. Максимальная мощность этого слоя – 20 см зафиксирована непосредственно у восточной стены здания. В заполнении центрального помещения найдено совсем немного костей животных и небольшое количество мелких фрагментов керамики, в основном столовых сосудов. Среди них следует отметить фрагмент «рыбного блюда» и столовых чаш, покрытых плотным тёмно-коричневым ангобом (рис. 7: В). Столовые сосуды, преимущественно открытых форм (кубки, чаши), покрытые чёрным или тёмно-коричневым ангобом, встречаются среди керамики эллинистического периода в южных областях Средней Азии [Шишкина 1969: 234; Абдуллаев 2010: 50]. Например, на Кампыртепа (Северная Бактрия) чаши и кубки, покрытые чёрным или коричневым ангобом, представлены в комплексе КТ-III на цитадели [Мкртычев, Болелов 2006: 47], который на основании нумизматических данных твёрдо датируется последней третью III в. до н.э. [Кампыртепа... 2018: 15]. За пределами здания культурного слоя, относящегося к периоду жизни памятника, также практически нет. Вместе с тем, к востоку от центральной постройки выявлены пятна прокалённой поверхности на уровне материка и незначительный по мощности (не более 10 см) культурный слой – рыхлая пылевидная супесь серо-коричневого цвета с высоким содержанием золы, керамикой и мелкими древесными угольками.

³ За относительный репер на объекте был принят уровень такыра к востоку от здания.

В северо-западной части объекта на отдельных участках выявлены следы оборонительной стены памятника. Кроме того, определяются контуры прямоугольной в плане северо-западной выносной башни. Размеры ее определены приблизительно – 3,9 м по западному фасу и 3,5 м по северному фасу. Судя по всему, внутрибашенного помещения не было. Башня являлась просто выступом оборонительной стены, который отстоял от основной линии стены на 1 м. Однако это только предположение, так как сохранность в части памятника не велика, максимум 20–30 см от уровня материка; возможно, сохранилась только нижняя часть цоколя башни. Ширина внешней стены на тех участках, где она сохранилась, была 1,25–1,3 м. Как можно предполагать, нижняя её часть была сложена из пахсы, однако на северном отрезке зафиксированы следы квадратных сырцовых кирпичей размерами: 45×42×? см; 43×41×? см; 40×40×? см (рис. 7: А).

В ходе раскопок объекта Бабиш-мола 8 не обнаружено каких-либо артефактов, по которым можно было судить о функциональном назначении памятника. С определённой долей уверенности можно говорить, что центральное здание не являлось жилым. Во всяком случае, ни бытовых, ни хозяйственных очагов, ни внутри постройки, ни рядом с ней не обнаружено. Об этом же говорит практически полное отсутствие культурного слоя, который свидетельствовал бы о жизнедеятельности. Особого внимания заслуживает квадратный кирпичный подиум в центре здания. Следов горения на его поверхности не обнаружено, таким образом вряд ли это был алтарь огня, но предположение о том, что это сооружение могло быть связано с каким-то ритуалом, как кажется, вполне имеет право на существование. О характере культа мы можем только догадываться. Особо следует обратить внимание на то, что центральное небольшое сооружение расположено в центре обширного совершенно пустого двора, окружённого внешней стеной. Таким образом, гипотетически можно предполагать, что центральное прямоугольное сооружение являлось сакральным центром комплекса, возможно, святилищем. В этом случае двор, окружённый оборонительной стеной, можно рассматривать как публичное пространство, где во время религиозных праздников собирались жители поселения.

Обсуждение

Все описанные выше комплексы расположены за пределами укреплённого городища Бабиш-мола 1. Есть весьма веские основания считать их культовыми сооружениями – святилищами. Об этом красноречиво свидетельствует отсутствие очагов и каких-либо деталей интерьера, а также минимальное количество керамики, найденной в ходе раскопок. Особо нужно заметить, что все эти комплексы никак не связаны с культом огня. Во всяком случае, не только следов алтарей огня, но даже курильниц или миниатюрных переносных алтарей ни в одном сооружении не обнаружено. Вместе с тем, на цитадели городища планировка западной части дворцово-храмового комплекса – «Большого Дома» практически полностью повторяет планировочную схему иранских храмов огня [Болелов, Утубаев 2019: 74; Курманкулов и др. 2021: 97]. В то же время неоспоримых свидетельств того, что это действительно был храм огня, в ходе раскопок не получено.

Все культовые комплексы в округе Бабиш-молы 1 объединяет планировка центрального, надо полагать, сакрального помещения (на Бабиш-мола 8 – здания). Это квадратное или прямоугольное помещение с квадратным в плане, сложенным из сырцового кирпича, подиумом. Разница состоит лишь в том, что вход в пом. 1 здания Бабиш-мола 10а был с севера, так же как и в центральном сооружении Бабиш-мола 8, а в пом. 2 здания Бабиш-мола 10б – с востока. Кроме того, алтарь и суфа на Бабиш-мола 10а были построены на втором, более позднем этапе жизни памятника. Причём до этого в квадратном помещении не было каких-либо деталей внутреннего интерьера. Обращают на себя внимание ямы, которые обнаружены во втором помещении на

Бабиш-мола 10а и к северу от входа в первое помещение. Если принять гипотезу о культовом назначении памятника, то можно предположить, что в эти ямы могли быть местом, куда помещали приношения в святилище. Особенный интерес представляют сравнительно мощные слои органики растительного происхождения, зафиксированные на уровне пола в обоих сооружениях. В связи с этим можно вспомнить то, что растения, трава играли определенную роль в ритуальных действиях индо-иранцев. Так жертвенному животному при совершении ритуала жертвоприношения по ноги бросали пучки травы, жертвенное мясо укладывали на площадку, выстланную травой [Бойс 1988: 11]. Возможно именно этими представлениями можно объяснить тот факт, что центральное помещение в комплексе Бабиш-мола 10а не было вычищено пред тем, как в нём был построен алтарь. В связи с этим заметим, что по М.М. Маковскому русское слово *ячмень* восходит к индоиранскому корню *jag* – «поклоняться божееству» [Маковский 1996: 276].

О характере культа, к которому относились сооружения в окрестностях и ритуальных действиях, проводившихся в них, мы можем только догадываться. Определённо можно говорить только о том, что огонь не играл в нём сколько-нибудь значимой роли. Возвышения-подиумы во всех центральных помещениях однозначно можно трактовать как алтари. Во всяком случае, даже на самых ранних этапах становления цивилизации на Востоке практически во всех известных культовых памятниках возвышения в центре сакрального пространства интерпретируются именно так [Чайлд 1956: 187; Сарианиди 1962: 45–48]. Необходимо заметить, что во всех помещениях алтари были квадратными в плане. В археологии уже давно утвердилась точка зрения о том, что квадратная в плане постройка символизирует земную твердь, причем уже в шумерских и аккадских текстах земля предстает как плоскость с четырьмя ориентирами – сторонами света [Антонова 1984: 71]. Эти представления отражены в погребальных постройках эпохи поздней бронзы. Так, в основе планировки наземных мавзолеев могильника Северный Тагискен лежит круг, символизирующий небесную твердь, и квадрат, который отождествляется с земной твердью. Эти же идеи воплощались в архитектурных формах и в значительно более поздние периоды, например, в планировке купольных гробниц и мусульманских мавзолеев, также сочетавших вписанные друг в друга круг и квадрат [Лелеков 1976: 7–9]. В массиве ираноязычных оседлых земледельческих и скотоводческих племён квадрат – символ, маркирующий среднюю зону мироздания, которая в мифологической и космологической традиции соотносилась с земной твердью [Раевский 1985: 114–116]. Учитывая всё выше сказанное, можно осторожно предположить, что квадратные алтари в святилищах могли восприниматься как символы среднего мира, то есть реального окружающего человека пространства. Неизвестно совершали ли на этих алтарях жертвоприношение или они просто являлись местом для приношений, поступавших в храм во время праздников. Скорее можно предположить последний вариант. В связи с этим особый интерес вызывает находка атрибута фаллического культа, имеющего прямое отношение к культу плодородия. Фаллические действия играли первостепенную роль в мировоззрении индоевропейцев. Божественное сотворение вселенной мыслилось как фаллическое действие. Божество фаллосом разорвало Хаос и сотворило Мироздание. Фаллос – символ космической энергии, середины микро и макрокосма. Так, например, древнеиндийское слово *anda* – «половые органы» соотносится с индоарийским *adi* – «начало, первоначало» [Маковский 1996: 376]. Эта находка дает основания осторожно предположить, что святилище имело отношение, если не на прямую было связано, к культу плодородия.

Заключение

В заключении необходимо заметить, что ни на одном памятнике ширикрабатской культуры, который можно считать культовым, не обнаружено явно выраженных следов культа огня. Три памятника в окрестностях Ширик-рабата были, судя по всему, святилищами, в какой-то степени связанными с культом плодородия. Отнести к какой-либо религиозной конфессии квадратное сооружение на Ширик-рабате, которое предположительно было определено как храм, весьма затруднительно. В то же время наличие в здании двух ям, которые весьма вероятно являлись ботросами, в определённой степени подтверждает это предположение [Курманкулов, Утубаев 2017: 205]. Есть достаточно оснований считать действительно храмом монументальное здание, расположенное в центральной части городища Ширик-рабат, где в одном из помещений была найдена объемная гипсовая скульптура женщины. Обращают на себя внимание обстоятельства находки. Статуя, по всей видимости, хранилась в небольшом помещении, которое никак нельзя считать храмовым [Курманкулов, Утубаев 2017: 205]. Скорее всего, оно было местом, где хранилась эта статуя. Следует отметить ещё один, на наш взгляд, немаловажный факт, а именно – справа от входа в это помещение выявлен довольно крупный очаг округлой формы, рядом с которым была найдена лепная курильница. Возможно, учитывая явно особое назначение помещения, можно предположить, что очаг служил для ритуала очищения перед тем, как туда человек входил. Если это действительно так, то можно предположить, что в определённые, скорее всего праздничные, дни статую выносили и устанавливали на верхней площадке здания. Наличие в храме скульптуры женщины, которая явно была зримым воплощением образа Богини, свидетельствует, на наш взгляд, о том, что храм на Ширик-рабате был связан с культом плодородия.

Таким образом, по имеющимся на сегодняшний день археологическим данным можно сделать предварительное заключение. Культовые сооружения ширикрабатской культуры, известные в настоящее время, были связаны в первую очередь с культом плодородия, не исключено – и с культом Великой Богини. Огонь в ритуальных действиях, как кажется, вовсе не присутствовал или играл второстепенную роль, например, при ритуале очищения в храме на Ширик-рабате.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Абдуллаев К. Греческие типы в керамике Согда и Бактрии // ПИФК. 2010. № 1. С. 46–62.
- 2 Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.: Наука, 1984. 261 с.
- 3 Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М.: Наука, 1988. 303 с.
- 4 Болелов С.Б., Утубаев Ж.Р. Низовья Сырдарьи во второй половине I тыс. до н.э. (новые данные к изучению Чирикратской археологической культуры) // Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов: история, археология, культура / Отв. ред. А.С. Балахванцев, Н.А. Маккаев. М.: Институт Востоковедения РАН, 2019. С. 67–89.
- 5 Кампыртепа 2018: Кампыртепа – кушанская крепость на Оксе / Отв. ред. С.Б. Болелов. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 358 с.
- 6 Курманкулов Ж., Утубаев Ж.Р. Чирикратская культура в Восточном Приаралье // Казахстан в сакскую эпоху / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА, 2017. С. 191–210.
- 7 Курманкулов и др. 2021: Курманкулов Ж.К., Болелов С.Б., Утубаев Ж.Р. Древние земледельцы низовьев Сырдарьи / Труды Института археологии им. А.Х. Маргулана. Т. 1. Алматы: ИА, 2021. 322 с.
- 8 Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М.: Владос, 1996. 415 с.
- 9 Мкртычев Т.К., Болелов С.Б. Стратиграфия юго-восточной части цитадели Кампыртепа // Археологические исследования Кампыртепа и Шортепа / Отв. ред. Э.В. Ртвеладзе, Дж.Я. Ильясов. Ташкент: Санат, 2006. С. 47–78.
- 10 Лелеков Л.А. Отражение некоторых мифологических мировоззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тыс. до н.э. // История и культура народов Средней Азии / Под ред. Б.Г. Гафурова и Б.А. Литвинского. М.: Наука, 1976. С. 7–18.

- 11 Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М.: Наука, 1985. 256 с.
- 12 Сарияниди В. И. Культовые здания в поселениях Анаусской культуры // СА. 1962. № 1. С. 44–56.
- 13 Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.: Иностранная литература, 1956. 384 с.
- 14 Шишкина Г. В. Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. 1975. № 2. С. 60–78.

REFERENCES

- 1 Abdullayev, K. 2010. In *Problemy istorii, filologii i kultury (Problems of history, philology and culture)* 1, 46–62 (in Russian).
- 2 Antonova, E. V. 1984. *Ocherki kultury drevnikh zemledeltsev Peredney i Sredney Azii (Essays on the culture of ancient farmers of Western and Central Asia)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 3 Boyce, M. 1988. *Zoroastriysy. Verovaniya i obychai (Zoroastrians. Beliefs and Customs)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 4 Bolelov, S. B., Utubayev, Zh. R. 2019. In: Balakhvantsev, A. S., Makkaveev, N. A. (eds.). *Epokha imperiy. Vostochnyy Iran ot Akhemenidov do Sasanidov: istoriya, arkheologiya, kultura (The Age of Empires. Eastern Iran from the Achaemenids to the Sassanids: history, archaeology, culture)*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 67–89 (in Russian).
- 5 Kampyrtepa 2018: Bolelov, S. B. (ed.) 2018. *Kampyrtepa – kushanskaya krepost na Okse (Kampyrtepa – a Kushan fortress on the Oxus)*. Moscow; St. Petersburg: “Nestor-Istoriya” Publ. (in Russian).
- 6 Kurmankulov, Zh., Utubayev, Zh. R. 2017. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Kazakhstan v sakskuyu epokhu (Kazakhstan in the Saka era)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 191–210 (in Russian).
- 7 Kurmankulov et al. 2021: Kurmankulov, Zh., Bolelov, S. B., Utubayev, Zh. R. 2021. *Drevniye zemledeltsy nizoviyev Syrdarii. Trudy Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana. T. 1 (Ancient farmers of the lower reaches of the Syrdarya. Proceedings of the Margulan Institute of Archaeology. Vol. 1)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 8 Makovskiy, M. M. 1996. *Sravnitelnyy slovar mifologicheskoy simvoliki v indoevropeyskikh yazykakh. Obraz mira i miry obrazov (Comparative dictionary of mythological symbolism in Indo-European languages. Image of the world and worlds of images)*. Moscow: “Vlados” Publ. (in Russian).
- 9 Mkrtychev, T. K., Bolelov, S. B. 2006. In: Rtveladze, E. V., Ilyasov, D. Ya. (eds.). *Arkheologicheskiye issledovaniya Kampyrtepa i Shortepa (Archaeological research of Kampyrtepa and Shortepa)*. Tashkent: “Sanat” Publ., 47–78 (in Russian).
- 10 Lelekov, L. A. 1976. In: Gafurov, B. G., Litvinskiy, B. A. (eds.). *Istoriya i kultura narodov Sredney Azii (History and culture of the peoples of Central Asia)*. Moscow: “Nauka” Publ., 7–18 (in Russian).
- 11 Raevskiy, D. S. 1985. *Model mira skifskoy kultury (Model of the world of Scythian culture)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 12 Sarianidi, V. I. 1962. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archeology)* 1, 44–56 (in Russian).
- 13 Childe, G. 1956. *Drevneyshiy Vostok v svete novykh raskopok (The Ancient East in Light of New Excavations)*. Moscow: “Inostrannaya literatura” Publ. (in Russian).
- 14 Shishkina, G. V. 1975. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)* 2, 60–78 (in Russian).

CRediT authorship contriburion statement

Zh. Kurmankulov: conceptualization, formal analysis, reviewing of the manuscript.

Zh. Utubayev: conceptualization, participation in the organization and conduct of field research, research, visualization and writing of the manuscript.

A. Bolelov: conceptualization, participation in field research, formal analysis, writing and reviewing of the manuscript.

M. Suyundikova: participation in field research, visualization, formal analysis and writing of the manuscript.

Авторлық үлес

Ж. Құрманқұлов: концептуализация, зерттеуді басқару, талдау, қолжазбаны рецензиялау.

Ж.Р. Утубаев: концептуализация, зерттеуді басқару, далалық зерттеуді ұйымдастыру және жүргізу, талдау, қолжазбаны рецензиялау, материалдарды баспаға даярлау.

С.Б. Болелов: концептуализация, далалық зерттеулерге қатысу, талдау, қолжазбаны жазу және рецензиялау.

М.Қ. Сүйіндікова: далалық зерттеулерге қатысу, қолжазбаны жазу және көрнекі бейнелеу, талдау.

Вклад авторов

Ж. Курманкулов: концептуализация, руководство исследованием, формальный анализ, рецензирование рукописи.

Ж.Р. Утубаев: концептуализация, руководство исследованием, организации и проведении полевых исследований, формальный анализ, рецензирование рукописи, подготовка материалов к публикации.

С.Б. Болелов: концептуализация, участие в полевых исследованиях, формальный анализ, написание и рецензирование рукописи.

М.К. Суюндиқова: участие в полевых исследованиях, визуализация, формальный анализ и написание рукописи.

About the Authors

Kurmankulov Zholdasbek – Candidate of Historical Sciences, Chief Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0003-0605-2429](https://orcid.org/0000-0003-0605-2429) E-mail: kurmankulov@gmail.com

Utubayev Zhanbolat – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0002-6484-2923](https://orcid.org/0000-0002-6484-2923) E-mail: utubaev_z@mail.ru

Bolelov Sergey – Candidate of Historical Sciences, Chief Researcher, State Museum of the Orient, Moscow, Russia.

ORCID: [0000-0003-1423-293X](https://orcid.org/0000-0003-1423-293X) E-mail: bsb1958@yandex.ru

Suyundikova Makpal – Senior Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.

ORCID: [0000-0002-8184-7830](https://orcid.org/0000-0002-8184-7830) E-mail: makpal1226@mail.ru

Авторлар туралы мәліметтер

Құрманқұлов Жолдасбек – тарих ғылымдарының кандидаты, бас ғылыми қызметкер,

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Утубаев Жанболат Раймқұлұлы – тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер,

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Болелов Сергей Борисович – тарих ғылымдарының кандидаты, бас ғылыми қызметкер,

Шығыс Мемлекеттік музейі, Мәскеу қ., Ресей

Сүйіндікова Мақпал Қожахметқызы – аға ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы

Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Сведения об авторах

Курманкулов Жолдасбек – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник,

Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Утубаев Жанболат Раймқұлович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,

Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Болелов Сергей Борисович – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник,

Государственный музей Востока, г. Москва, Россия

Суюндиқова Мақпал Қожахметовна – старший научный сотрудник, Институт археологии

имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 29.04.2025.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 28.05.06.2025.

